

Рецензии, аннотации, отзывы

**Ж. ПИРОН.
ЛЕВ ШЕСТОВ. ФИЛОСОФ БЕСПОЧВЕННОСТИ**
(G. Piron. Léon Chestov, philosophe du déracinement. – Lausanne:
L'Age d'Homme, 2010. – 456 p.)

К.В. ВОРОЖИХИНА

Книга Женеэвьев Пирон, посвященная творчеству Льва Шестова, для исследователей русской философии представляет особый интерес. Автор, научный сотрудник Русского отделения Университета Женевы, проделала колоссальную работу по анализу труднодоступных материалов – черновых набросков, тетрадей и переписки Шестова; многие тексты из архива Шестова в Сорбонне публикуются и комментируются впервые.

В основу монографии легло диссертационное исследование Пирон, проведенное под руководством известного слависта Жоржа Нива. Автор пытается разгадать «тайну» интеллектуальной и творческой биографии Шестова, докопаться до глубинных истоков экзистенциального кризиса, пережитого мыслителем в 1895 г. и предопределившего, как она полагает, дальнейшую эволюцию его творчества. Задача Пирон схожа с той, которую ставил Шестов как исследователь и комментатор текстов Толстого, Достоевского, Кьеркегора и Ницше – восстановить траекторию внутренней жизни мыслителя, найти отражение субъективного опыта автора в его художественных и философских произведениях. Шестовский метод «странствования по душам» Пирон применяет к самому Шестову.

В работе исследуется ранний период творчества мыслителя, выявляются «корни беспочвенности» Шестова. Выбор этих «корней» весьма необычен: идеи народников (в том числе Герцена), графа Толстого (именно Лев Николаевич, согласно Пирон, «заразил» молодого Шестова Библией, а вовсе не Ницше, как утверждал Николай Бердяев) и Фихте. Книга восполняет пробел в исследовании первых работ Шестова – рассказов и статей, которые до настоящего времени никем специально не анализировались. В возрасте 23 – 28 лет Шестов пробовал себя в прозе – писал рассказы, героями которых были идеалисты и революционеры, борцы против социальной несправедливости, готовые принести себя в жертву во имя высоких идей. Рассказы носили отчасти биографический характер (диссертация Шестова, посвященная рабочему законодательству, была запрещена, и ему пришлось покинуть Московский университет). Статьи и рассказы начинающего мыслителя имели политическое звучание. Они были направлены на пробуждение общественного сознания (призыв к «бодрствованию духа» оставался одним из главных мотивов в философии Шестова). Вслед за народниками Шестов заявляет о том, что моральная миссия интеллигенции – способствовать общественному прогрессу

через культурное просвещение. Однако в 1900 г. он отказывается от пропаганды каких-либо политических идей.

Пирон рассматривает статьи философа¹, которые прежде не привлекали внимания исследователей, и вплетает их в эволюцию взглядов Шестова. Одна из них свидетельствует о близости философа к толстовцам (друг и ученик Шестова Е. Лундберг был заключен под арест из-за отказа служить в армии).

Исследовательница выделяет три ипостаси Шестова: философ, герменевт, писатель. Если о Шестове-философе было сказано много, то говоря о нем как о герменевте и литераторе, Пирон представляет Шестова с новой, малознакомой читателю стороны.

Герменевтика Шестова раскрывается как «борьба с очевидностями» восприятия и интерпретации текста. В «контрапунктуре» анализируемых произведений он различает два голоса: рациональный, приводящий доводы и аргументы (этот голос передает то, что хочет сказать автор), и эмоциональный, срывающийся на крик – голос, раскрывающий истину пережитого, экзистенциальную истину, о которой сам автор может не знать. Шестов указывает на внутреннюю борьбу личности, отражающуюся в тексте, ее двойственность и расколотость (неслучайно его называли предтечей психоанализа). Свою задачу Шестов видит в расшифровке внутренней жизни Другого, ищет глубинные мотивы творчества, обращая внимание на символы-знаки, помогающие раскрыть сокровенные тайны его героев. Шестову интересны переживания и душевные состояния, а не идеи или концепции. Избранные им «литературные пациенты» являются его двойниками, он пользуется ими как масками; философско-герменевтические изыскания Шестова представляют собой не что иное, как непрерывный самоанализ.

Однако наставником философа в области исследования души является не З. Фрейд, а Ф. Ницше, который в свою очередь постигает это искусство во многом благодаря Ф. Достоевскому. Шестову оказывается ближе ницшеанский акцент на чувстве вины, страдании и саморазрушении. Обостренное ощущение зла и чувство вины – основа его религиозной философии, главный экзистенциальный источник его сочинений. Причем связь между этой виной, совершенным поступком и наказанием может вовсе отсутствовать: чувство вины может не иметь причины, а за преступлением может не следовать кара – отсюда «переоценка ценностей» Шестова.

Пирон, анализируя работу «Шекспир и его критик Брандес», обращает внимание на то, что те голоса, которые Шестов искал в произведениях своих героев, слышатся и в его текстах. Эту раннюю книгу автор считает ключевой для понимания творчества Шестова, поскольку она написана в период мировоззренческого кризиса философа и является свидетельством пережитого им трагического опыта, отражает ощущение «потери почвы» и знаменует постепенный отход от идеализма. Главное, с чем борется Шестов в этот период, – это интеллектуальное обольщение, гордость рассудка и отрыв от реальности (свойства безжизненного и бессильного Гамлета). Как последователь шестидесятников, он считает,

что идеалы должны воплощаться в действительность, — олицетворением этого служит фигура Брута.

Пирон развенчивает миф о мизантропии и аполитичности Льва Шестова, опровергает мнение о том, что философ не слышал поступь истории². Рабочие записи и тетради сохранили свидетельства об эмоциональной реакции философа на политические волнения и исторические события. Шестов написал всего четыре статьи, посвященные этим событиям — революции 1905 г., приходу к власти большевиков в России и нацистов в Германии: «Пророческий дар (к 25-летию смерти Ф.М. Достоевского)» (1905)³, «Жар-птицы: к характеристике русской идеологии» (1918)⁴, «Что такое русский большевизм?» (1920)⁵, «Угроза современных варваров» (1934)⁶. История интересует Шестова, прежде всего, как индивидуальная история отдельного человеческого существования в столкновении с неумолимой реальностью, с жизнью. Но у него есть также и чувство всемирной истории и определенная философия истории.

История по Шестову — не линейно-телеологический, однонаправленный процесс; она прерывна и калейдоскопична, представляет собой странствование, блуждание. Читая Библию, Шестов, с одной стороны, старался осмыслить исторические события, свидетелем которых он был, пытаясь вписать современность в контекст библейской истории и с помощью Священного Писания интерпретировать происходящее, с другой — стремился найти место библейскому откровению в современной мысли.

Пирон усматривает в текстах Шестова историко-философскую концепцию, основанную на противопоставлении «типов» мыслителей: Шекспир — его критик Брандес, Брут — Гамлет, Спиноза — Лир, Кант — Макбет, Толстой — Ницше, Ницше — Достоевский; ряд фигур вводится диалектически: идеи Лютера оказываются синтезом философии Толстого и Ницше, мысль Спинозы — взглядов Декарта и Паскаля, мирозерцание Кьеркегора — веры Иова и умозрения Гегеля.

История философии для Шестова — это «странствование по душам», которое предполагает схватывание и передачу того «я», что живет за словами. С методом «странствования по душам» неразрывно связан его способ создания текста. Как указывает Пирон, работы Шестова сотканы из бесчисленного множества фрагментов-цитат, выхваченных из самых разнообразных литературных и философских источников, которые переключаются и «играют» друг с другом, — «осколков», «обрывков» других, более ранних текстов: библейских изречений, высказываний философов и поэтов, литературных отрывков. Автор, как и многие исследователи, обращает внимание на неаккуратность Шестова в цитировании: он деформирует и искажает цитаты, часто воспроизводит по памяти, передавая их смысл приблизительно и неточно. Такое цитирование оказывается неявным способом изложения мыслей самого Шестова; цитаты «вкладываются» в уста мыслителей-двойников, которым Шестов приписывает собственные идеи.

Исключительный интерес для Пирон представляет язык Шестова, стилистика его философских работ. Пирон обращает внимание на ри-

торику двусмысленности, парадоксальности, которую использует мыслитель, ироничность и афористичность его языка. Шестовскому стилю присущи особая ритмика, поэтика, проявляющиеся во множественных повторениях — язык Шестова родствен языку магическому, «заклинательному», перформативному. Метафоры и образы, которые используются Шестовым в текстах, полисемичны и многогранны, их смыслы метастабильны, изменчивы, оттого сложноуловимы. Афористичность и парадоксальность мысли Шестова — наиболее подходящие формы выражения философии беспочвенности; они являются отражением и инструментом передачи чувства неукорененности, неопределенности.

Философия Шестова стоит особняком, не вполне вписываясь в контекст русской философской культуры первых десятилетий XX в. Современники, ввиду крайнего индивидуализма Шестова, ироничности его философии и отсутствия в ней идеи соборности, рассматривали автора «Апофеоза беспочвенности» как «слишком западного» философа. На Западе же за ним закрепился ярлык скептика и нигилиста, философа одиночества и абсурда — и вместе с тем наиболее поэтичного из русских религиозных мыслителей.

Пирон в своей книге борется с этими «очевидностями» и стереотипами в интерпретации философии Шестова, стараясь раскрыть его творчество «изнутри» (уделяя, быть может, слишком много внимания биографии). Насыщенная богатым фактическим и литературно-философским материалом, работа Пирон представляет собой одно из самых интересных и основательных исследований творчества Льва Шестова.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вопросы совести // Жизнь и искусство. Киев, 22 декабря 1895 г.; Георг Брандес о Гамлете // Киевское слово. № 2855. 1895, 22 декабря; Журнальное обозрение // Жизнь и искусство. — Киев. 1896, 9 января; Идеализм и символизм «Северного вестника» // Russian Literature Triquarterly. № 16. — Michigan: Ann Arbor, 1979.

² Булгаков С. Некоторые черты религиозного мировоззрения Л.И. Шестова // Современные записки. 1939. № LXXVIII. С. 309.

³ Шестов Л. Начала и концы. — СПб., 1908.

⁴ Знамя. 1991. № 8.

⁵ История философии. Вып. 8. — М., 2001.

⁶ Вестник АН СССР. 1991. № 5.